

ВЗГЛЯД

Сталин: стратегия «по Клаузевицу»

Известный историк и автор книги «Пакт. Сталин, Гитлер и история убийственного союза», профессор Европейского университета Виадрина Клаудия Вебер — о поворотном моменте Второй мировой войны и о том, как сегодня видится оборонная стратегия Сталина.

Клаудия Вебер

В ранние утренние часы 22 июня 1941 года гитлеровский вермахт напал на Советский Союз. Армия численностью 3,5 млн человек, разделенная на группы «Север», «Центр» и «Юг», развернула боевые действия на линии фронта протяженностью более 2 тыс. км.

В то время как бомбардировщики люфтваффе под командованием Германа Геринга совершали первые налеты на Киев, Одессу и Севастополь, Владимир Деканозов, посол Сталина и бывший глава советской внешней разведки (ИНО), с окаменевшим лицом на улице Вильгельмштрассе в Берлине спешил к кабинету министра иностранных дел Иосифа Риббентропа. За 22 месяца до этого в Кремле Риббентроп, воодушевленный достигнутой дипломатической сделкой, еще клялся в дружбе между Германией и СССР. И вот теперь он лаконично информирует Деканозова, что «советское правительство предало и нарушило условия договоров и соглашений с Германией», и «Германия не станет бездействовать перед лицом такой серьезной угрозы для своей восточной границы». Гитлер, как сообщил Риббентроп, «приказал германскому вермахту использовать все имеющиеся средства для ответа на эту угрозу».

Приведение в исполнение приказа Гитлера о начале давно запланированной и многократно откладывавшейся операции «Барбаросса» 22 июня 1941 года во многих отношениях стало решающей поворотной точкой в истории Второй мировой войны. Под надуманным предлогом угрозы со стороны СССР (притом что в предшествующие недели Сталин всеми силами старался не дать такого повода) Третий рейх развязал чудовищную, поистине апокалиптическую войну на уничтожение против Советского Союза, Красной армии, гражданского населения, мнимых и реальных борцов сопротивления — словом, против всех тех, кто встал на пути якобы непобедимого вермахта и не принял изощренной нацистской расистской логики войны.

Война Гитлера против Советского Союза унесла миллионы человеческих жизней, стала причиной невообразимых страданий, которые по сей день дают о себе знать, и привела к холокосту, истреблению европейских евреев на «кровавых землях» (выражение историка Тимоти Снайдера) Восточной Европы. За считанные недели войска вермахта и следом за ними несли смерть эсэсовцы Генриха Гимmlера продвинулись вглубь территории СССР после чего, уже лишившись каких-либо иллюзий о возможностях «молниеносной войны», осенью встали под Москвой. Операция «Барбаросса» завершилась, в частности, на легендарном Волоколамском шоссе, ставшем в одноименном романе писателя Александра Бека символом героического боевого духа Красной армии. Бек не умолчал и об ужасах чудовищной борьбы за выживание на линии фронта, а в середине 1980-х годов восточногерманский драматург Хайнер Мюллер написал на основе его книги блестящую пьесу из пяти частей.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война — увенчанная победой оборона страны от немецко-фашистских агрессоров. Ставшая поворотной точкой Второй мировой войны, эта дата также знаменует собой завершение первой фазы, которая с сентября 1939 года в Европе ассоциировалась с союзом, а (пока еще) не борьбой между гитлеровским Рейхом и СССР Иосифа Сталина. За те почти два года, на протяжении которых Пакт Молотова—Риббентропа был в силе, произошел раздел Польши, ставшей первой лабораторией германской войны на уничтожение, Западная Европа была оккупирована Германией, в то время как Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина оказались под властью Сталина. Постепенный закат рокового договора о ненападении начался еще в июне 1940 года, когда Москва после неожиданных гитлеровских «блицкригов» заявила о своем намерении «перейти к действиям» в балтийском регионе.

В конечном итоге в Юго-Восточной Европе и Финляндии произошло столкновение геополитических конкурентов, и последние попытки достичь взаимопонимания во время берлинского визита Молотова в ноябре 1940 года были обречены на провал. Еще до прибытия народного комиссара иностранных дел в столицу Германии в своей директиве №18 от 12 ноября Гитлер определил: «Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления относительно Востока. Соответствующие распоряжения последуют, как только мне доложат об основных моментах плана войсковой операции и они будут утверждены».

Нападение вермахта решающим образом изменило политический расклад и системы союзников в войне. Оно привело к объединению усилившейся Великобритании и Советского Союза в рамках антигитлеровской коалиции — такой альянс считался совершенно невообразимым с момента прихода к власти большевиков в 1917 году. Центральная европейская триада между Великобританией, Германией и Советским Союзом, которая в первой половине

XX века приводила к соглашениям либо между Германией и СССР (Рапалло), либо между Германией и Великобританией (договор о соотношении военно-морских сил и политика умиротворения), в июне 1941 года получила, по сути, неслыханный оборот. Впрочем, предвестники такого развития событий появились задолго до этого. Еще в июле 1940 года премьер-министр Уинстон Черчилль, почувствовавший, что договор о ненападении уже давал трещины, отправил в СССР нового посла Стаффорда Криппса, который был дружелюбно настроен по отношению к Москве и провел первые предварительные переговоры. Сразу же после гитлеровского вторжения Черчилль произнес свою легендарную речь про «меньшее из двух зол», в которой оправдывал перед гражданами Велико-

22 июня явилось формой заносчивости Третьего рейха, за которую пришлось так заплатить

Британию свой альянс с коммунистами и которую сегодня так часто цитируют. «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За прошедшие 25 лет не было более последовательного противника коммунизма, чем я. Я не беру назад ни одного слова, сказанного мной. Но все это блекнет перед тем, что мы видим сейчас. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями отходит на второй план».

На фоне британско-советского сближения в то время, когда Гитлер вел против Лондона уже проигранную воздушную войну, решение развязать войну с Советским Союзом оказалось фатальным. Как известно, противником такой войны на два фронта и непредсказуемой, авантюрной военной кампании против СССР в Германии было достаточно. Тем в большей мере 22 июня 1941 года стало еще и символом невероятной военной мании величия и вопиющих

политических просчетов в угоду идеологическому фруору. Гитлер жаждал этой войны: уничтожения «еврейского большевизма» и насильственного, неперемного воплощения всех расистских концепций жизненного пространства, выработанных германским национал-социализмом. 22 июня 1941 года явилось выражением заносчивости Третьего рейха, за которую впоследствии пришлось заплатить, кульминационной точкой военной, политической и идеологической переоценки собственных сил, проявлением идеологических, культурных, расистских предубеждений и надменно-пренебрежительного отношения к советскому населению, сумевшему консолидироваться вокруг диктатора Сталина, «Большой террор» которого отремел так недавно.

В начале Великой Отечественной войны Советский Союз в военном отношении и правда был слаб. Еще в начале мая Сталин лично указывал в одном из своих немногочисленных выступлений перед выпускниками военных академий, в частности московской Академии имени Фрунзе, на проблемы Красной армии. Не секрет, что наряду с пробуксовыванием технической модернизации и отсутствием воли к реформам, которую резко критиковал Сталин, низкая боевая готовность была обусловлена еще и тем прискорбным фактом, что жертвами «Большого террора» стали такие талантливые военачальники, как маршал Тухачевский. Даже в правительственных кругах Великобритании, в том числе и у Черчилля, прошедшие «чистки рядов» вызвали опасения, что очередная военная кампания закончится для немцев победой. Впрочем, в Лондоне были довольны таким поворотом военных событий и надеялись, что Германия и Советский Союз надолго увязнут в боях друг с другом. Никто не допускал мысли о скорой победе Красной армии, включая Сталина, кото-

рый тем не менее сумел обернуть себе на пользу и слабость собственной армии, и заносчивость национал-социалистов, тем самым превратив слабость в силу.

Утверждения, будто события 22 июня и последовавшее стремительное наступление гитлеровцев застали Сталина врасплох и что, более того, он якобы игнорировал все предупреждения о возможности такого сценария, будь то от собственной агентуры или из кругов правительства Великобритании, получили широкое распространение, по сей день пользуются популярностью и, безусловно, вновь станут предметом дискуссий в контексте 80-й годовщины с начала Великой Отечественной войны. При этом представляется своевременным подвергнуть такой нарратив если не радикальному пересмотру, то как минимум критической переоценке. Конечно, Сталин не был удивлен — указы Гитлера надейно доводились до сведения Москвы советской разведкой — и не игнорировал донесения о предстоящем нападении. То, что «предательство», сопряженное с нарушением договора о ненападении, было исключительно во вопросом времени, входило в число старых политических истин, известных в том числе Сталину. В последние месяцы он готовился к предстоящему нападению Германии. Его распоряжения избегать провокаций на германо-советской границе, равно как и отказ от большого сосредоточения войск, вопреки планам таких генералов, как Жуков, были не проявлением наивности или странности, а обдуманное решение. То, что Гитлер и Риббентроп станут аргументировать развязывание войны надуманной угрозой, было ожидаемым и, следовательно, малосущественным обстоятельством. Сталин осознанно избегал сценария с якобы «созданием угрозы», чтобы однозначно сохранить за собой выигрышную позицию обороняющейся стороны.

В этом отношении его можно было бы считать способным учеником прусского офицера Карла фон Клаузевица (1780–1831), военная теория которого провозглашала оборону сильнейшей по отношению к наступлению формой военных действий. Еще в 1939 году Сталин выждал две неде-

Фашисты принесли народам Советского Союза неисчислимо горе (на фото: подожженное село на оккупированной гитлеровцами территории), но в конце войны уже советские люди увидели их поверженными и несчастными. 17 июля 1944 года 257 600 немецких солдат, захваченных тремя Белорусскими фронтами, прошли маршем по улицам Москвы под боевом. На втором фото: член Военного совета Воронежского фронта Никита Хрущев допрашивает пленных

ли, прежде чем ввести войска в Польшу, чтобы не вызвать ассоциаций с гитлеровским актом агрессии и посмотреть, как будет продвигаться наступление вермахта и какой будет реакция западных держав. В июне 1941 года позиция обороняющейся стороны в символическом, политическом и военном отношениях была важнее, чем когда-либо. Позволив напаст на Советский Союз, Москва сберегла весьма ограниченные ресурсы Красной армии. Сталин предоставил Гитлеру ведение требующей больших ресурсов, изматывающей наступательной войны — связанные с этим потери стали заметны уже в августе, на что указал в своем недавнем труде «Барбаросса». Как Гитлер проиграл войну? британский журналист Джонатан Димблби.

Более того, война началась в проблемном для Сталина пограничном регионе, где советская власть была установлена только после подписания Пакта Молотова—Риббентропа в 1939–1940 годах, и население западноукраинских и западнобелорусских территорий регулярно создавало большие трудности для «органов» НКВД. Проблематичным оказалось взять под контроль как потоки беженцев, так и антикоммунистические, а также национальные движения сопротивления, в частности среди украинцев. И здесь напрашивается параллель с 1939 годом, когда Сталин, вопреки первым договоренностям, уступил территории Центральной Польши Третьему рейху: в июне 1941 года он оставил германским войскам центры сопротивления, антибольшевистскими настроениями в которых Третий рейх не сумел воспользоваться для закрепления своего господства. Напротив, идеологический, расовый террор германских оккупационных войск очень быстро разочаровал надежды украинских националистов и привел к смещению настроений в пользу не Гитлера, а Сталина.

В июне 1941 года имелись веские причины не играть на опережение и не реагировать на многочисленные предупреждения о подготовке операции «Барбаросса» поспешным нападением. Предположение, будто Красная армия могла вторгнуться в генерал-губернаторство — административное образование на территории оккупированной нацистами Центральной Польши, тем самым нарушив договор, столь же абсурдно, как и обсуждавшийся некоторое время назад тезис о «превентивной войне». В качестве контраргумента можно указать на то, что Сталин шел на большой риск, но при этом поступал расчетливо, рационально и логично. И то, что он пытался как можно больше оттянуть нападение немцев ценой ряда уступок, в частности за счет наращивания темпов поставок товаров в Третий рейх, не противоречит такому аргументу. Свою главную задачу он видел в одном: выиграть время. Ведь в конечном итоге ни Сталин, ни Советский Союз не хотели этой войны. И Гитлер ее проиграл в тот самый момент, когда приступил к реализации своей операции «Барбаросса».